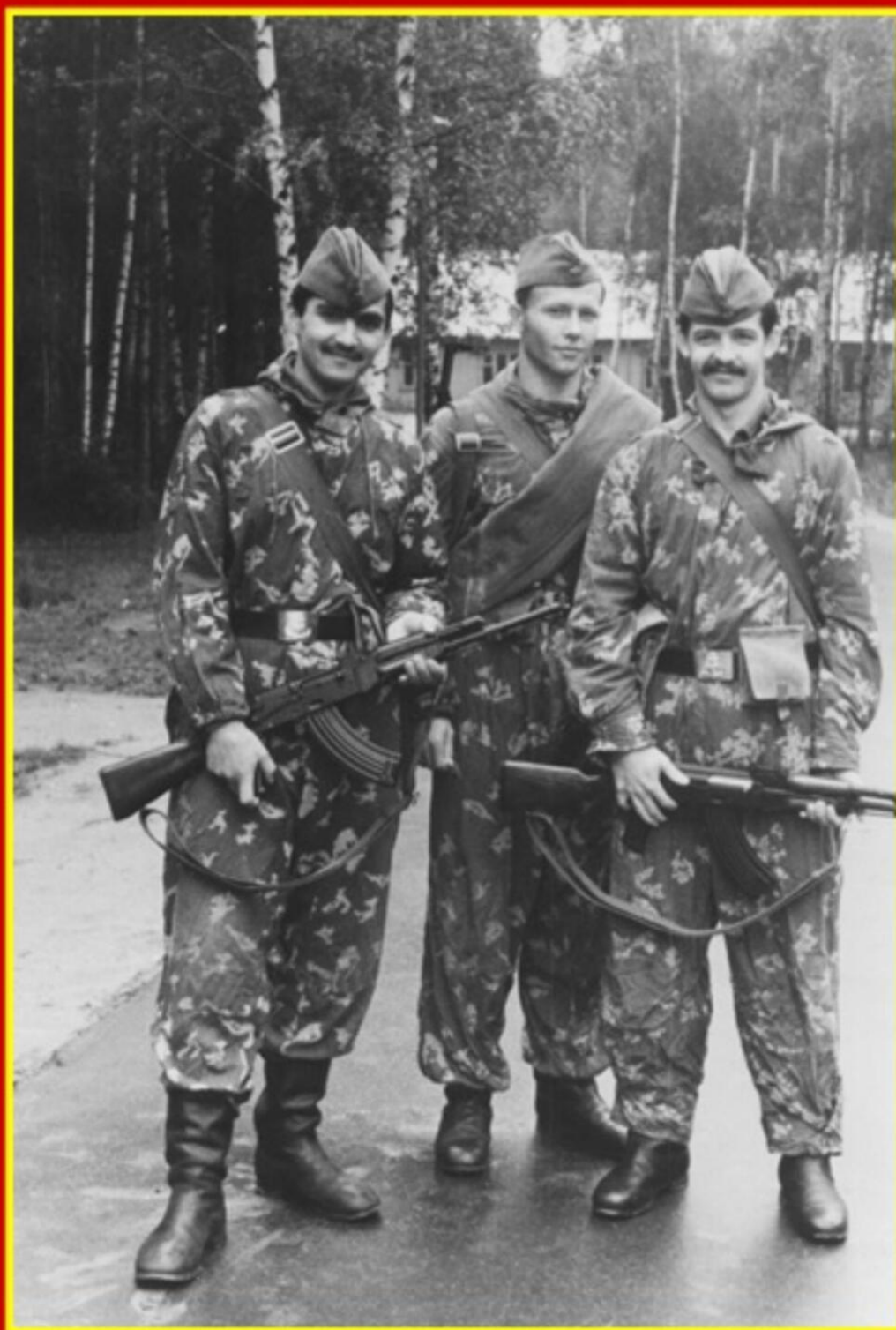

Валерий Ковалев

РОДОМ ИЗ СССР

18+

Валерий Ковалев

Родом из СССР

«Автор»

2023

Ковалев В. Н.

Родом из СССР / В. Н. Ковалев — «Автор», 2023

Осенью 1974-го молодой шахтерский паренек Сашка Пчелинцев призывается в Советскую армию. Там становится десантником и продолжает службу в Группе советских войск в Германии. Далее в составе спецподразделения выполняет интернациональный долг в Анголе, а после возвращения поступает в Высшую школу КГБ. После нее служит контрразведчиком в Афганстане, а затем в группе антитеррора "Альфа". Выйдя в отставку, участвует в боях за освобождение Донбасса.

© Ковалев В. Н., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Осенний призыв	6
Глава 2. Учебка	14
Глава 3. Прыжок на заре. Встреча	21
Глава 4. ГСВГ. Особое подразделение	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Валерий Ковалев

Родом из СССР

Моим однокашникам, выпускникам Высшей Краснознаменной школы КГБ СССР имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, прошедшим многие «горячие точки», посвящается

С чего начинается Родина?

С картинки в твоем букваре,

С хороших и верных товарищей,

Живущих в соседнем дворе,

А может она начинается,

С той песни, что пела нам мать,

С того, что в любых испытаниях

У нас никому не отнять.

Михаил Матусовский

Глава 1. Осенний призыв

ПРИКАЗ

министра обороны СССР
29 сентября 1974 г. № 213 г. Москва

Об увольнении в запас военнослужащих выслуживших установленные сроки действительной военной службы, и об очередном призыве граждан на действительную срочную военную службу в октябре – декабре 1974г.

В соответствии с Законом СССР «О всеобщей воинской обязанности» приказываю:

1. Уволить из рядов Вооружённых Сил СССР в запас в октябре-декабре 1974 г. военнослужащих срочной службы, выслуживших установленные сроки действительной военной службы.
2. Призвать на действительную срочную военную службу в октябре-декабре 1974 г. граждан мужского пола, которым ко дню призыва исполняется 18 лет, не имеющих права на отсрочки от призыва на действительную военную службу, а также граждан старших призывных возрастов, потерявших право на отсрочки от призыва.
3. Приказ объявить во всех ротах, батареях, эскадрильях и на кораблях.

Министр обороны СССР
Маршал Советского Союза А. Гречко

В Ворошиловграде стояла золотая осень. В скверах и парках, кружась, опали листья, в воздухе плавали нити паутины, по утрам стоял легкий туман.

На одной из городских окраин, недалеко от железнодорожного вокзала высились несколько пятиэтажных кирпичных зданий окруженных трехметровой железобетонной стеной с врезанными в нее стальными решетчатыми воротами. За ними расхаживала пара солдат в летнем выцветшем х/б* с болтавшимися на поясах штык-ножами.

Размером с футбольное поле пространство от ворот до зданий серело асфальтом. На нем в разных местах кучковались, и дымили сигаретами молодые парни. В картузах и без, все стриженные «под ноль» в поношенной одежде и обуви. При себе имели вещмешки или дорожные сумки.

Изредка по плацу проходили озабоченные офицеры с прапорщиками, скрываясь в высоких дверях зданий. Объект именовался сборным пунктом областного военкомата, а контингент на плацу – призывниками.

Утром, в количестве семи сотен человек его доставили автобусами сюда, ждать прибытия «покупателей»* и отправки в части.

– Ну че, пацаны? Айда занимать места? – швырнул бычок в урну один из парней. Смуглый, выше среднего роста и с пробивающимися усами. Звали Сашка Пчелинцев. Был на год старше.

– Айда, – откликнулся второй, рыжий, по фамилии Степка Чмур, остальные – Мишка Санжаков и Витька Резников, молча кивнули. Все были из Краснодона, небольшого города в сорока километрах от областного центра, с детства дружили и работали на одной шахте. Сашка

после окончания техникума – горным мастером, Степка машинистом электровоза, Мишка с Витькой в проходке.

Поддержав на плечах вещмешки, направились к крайнему из трех зданий. Открыв дверь, оказались в гулком пустом холле, бетонным маршем лестницы поднялись на второй этаж. Сашка потянул на себя вторую, в уши ударил тихий гул, в нос запах водочного перегара.

Высокое пространство перед ними терялось вдаль. По сторонам высились трехъярусные нары с матрасами, на них сидели и лежали будущие солдаты. Одни спали, издавая храп, другие о чем-то переговаривались, на нижних, сбоку, трое резались в карты.

Пройдя немного вперед, остановились перед свободной секцией, поснимали с плеч «сидора»*, определив в головах, устроились на матрасах.

– Да, – озираясь кругом, протянул Витька. – Сколько тут народу.

– Типа Вавилон, – поддержал его Степка.

На соседних нарах приподнялась голова. – Где я? – заплетаясь языком, прохрипел бухой малый.

– Где-где, в вытрезвителе, – сказали сверху. Кругом загоготали.

Малый молча сел, достал сзади торбу, вынул кусок хлеба сало, молча зачавкал.

– Может и нам пожрать, Пчел? – покосился на Сашку Мишка. Пчелом его звали за фамилию. Коротко и удобно.

– А почему нет? – сглотнул тот слюну. – Выехали в семь. Сейчас десять. Стали развязывать «сидора».

Вскоре на развернутой газете красовалась отварная курица, хомут «одесской», сыр, несколько помидоров с огурцами и пышная, с поджаристой корочкой, паляница. Достав перочинный нож, Витька нарезал колбасу, сыр и хлеб, а Степка, позыркав по сторонам, извлек из своего мешка бутылку «Плиски».

– Откуда? – удивились друзья.

– Занькал, – свернул колпачок. – Когда нас шмонали.

При выезде из Краснодона сопровождавшие призывников капитан с прапорщиком заставили водителя «пазика» съехать с трассы и остановиться у посадки. Там выстроили на опушке, приказав предъявить вещи к осмотру, и отобрали все спиртное.

Напиток тут же пустили по кругу, съев все до крошки. Бутылку сунули под нары. Куриные кости, завернутые в газету, Степка оттаранил в умывальник, бросив в мусорную урну.

– Так жить можно, – сытно рыгнул Мишка, улегшись на матрас и заложив руки за голову.

Как все шахтеры, ребята выпивали, обычно с получки и по праздникам. Так делали их деды и отцы. Работа под землей тяжелая и опасная: можно было попасть под завал, прорыв грунтовых вод, взрыв угольной пыли или метана. Водка считалась чем-то вроде валерьянки, но парни особо не злоупотребляли. Многие занимались спортом.

Витька, по кличке «Шкаф», плотный и с широченными плечами, увлекался вольной борьбой, имея первый разряд, Степка боксом. Мишка спорту предпочитал драки, а Сашка – занимался всем понемногу.

Раз десять жал «двойник»*, мог пробить зажатый в кулаке гвоздем доску-сороковку, на руках лазал по канату и крутил на турнике «солнце». Зимой гонял на лыжах по полям с балками*, а летом сигал с вышки на одном из городских ставков.

Учился в отличие от приятелей хорошо. Как в школе, так и потом в техникуме. По характеру был оптимист, в душе романтик. Неплохо пел и играл на гитаре в клубе рабочей молодежи, читал книги о разведчиках, моряках и дальних странах. При всем этом, являлся далеко не ангелом: нередко дрался и хулиганил, матерился в своей компании и любил с друзьями лазить по чужим садам.

Они, закончив горняцкое ПТУ, по местному «бурсу», планов на будущее не строили, Сашка же мечтал стать офицером. На это его настраивал отец, работавший начальником одной

из шахт. «В забой всегда успеешь сынок» говорил он. «Так что со службы поступай в училище». Послужишь государству, а заодно мир повидаешь».

Сашка слушал и мотал на ус, поскольку отца уважал. Тот прошел всю Отечественную войну, дослужившись до капитана, и имел боевые награды. А еще высокий авторитет в городе. Предприятие, которыми руководил, неизменно перевыполняло план, и там были высокие зарплаты.

После бессонной ночи (проводы на службу в их краях отмечали с размахом), и позднего завтрака, всех разморило, захотелось спать. Не пришлось. Дверь помещения отворилась, внутрь вошел ефрейтор с красной повязкой на рукаве.

– Па-адьем! (заворочал шей) Всем выйти без вещей на плац!

Заскрипели секции, по доскам пола застучали каблуки, Призывники стали вываливать наружу. Внизу, перед казармами уже строились другие.

– Живей, живей! – орал какой-то военный. – Что плететесь, словно вши на поводке!

Минут через десять вдоль плаца вытянулись четыре неровные шеренги, провели переключку. Стоявшие перед ними сержанты с прапорами, глядя в списки выкрикивали фамилии, призывники откликались «я!».

Потом всех вернули обратно, в час дня сводили на обед. Кормили перловым супом, жареной рыбой с картофельным пюре, к ним компот. Ели вяло.

До вечера выгоняли на плац еще пару раз и снова делали переключки.

– Считать не умеют, что ли? – бурчал Витька.

– Боятся, кто-нибудь сбежит, А им дадут по шапке, – высказал предположение Мишка.

На следующее утро, после завтрака, появились «покупатели» офицеры и сержанты различных родов войск. Здесь были танкисты с артиллеристами, пограничники и даже моряки. Снова состоялось построение, теперь рекрутов выстроили по командам, которые определили еще на призывных комиссиях. Краснодонцы были в шестидесятой, что это значит, не знали. Там оказались ребята и из других городов с районами. Причем немало.

Все прояснилось, когда перед ними появился старший лейтенант и два сержанта. Загорелые и подтянутые, в голубых беретах, под отложными воротами курток – тельняшки. На груди значки парашютистов с подвесками, отличников Советской Армии и классных специалистов.

– Десантники, – прошелестело по рядам. Кто-то присвистнул.

– Отставить! – нахмурился лейтенант. – Слушать меня внимательно (оглядел призывников) Служить будете в Воздушно-Десантных войсках. Отправка сегодня. Вопросы?

– А куда нас повезут? – спросил кто-то из второй шеренги.

– Фамилия? – вскинул бровь.

– Левченко.

– Ну, так вот, Левченко. Для начала следует представиться, а потом задавать вопрос. Ясно?

– Ага.

– Не ага, а так точно.

– Так точно, товарищ старший лейтенант.

– Молодец. Уже лучше. А повезут, куда надо. Еще вопросы? И сам же ответил, -вопросов нет.

Ларичев, – обернулся к сержантам.

Тот, что повыше, шелкнул кнопками на планшетке, висящей через плечо, достал оттуда бумагу и, шагнув вперед, развернул, – буду называть фамилии, отвечать «я» -уоставился на молодых.

– Аксененко! (опустил глаза)

– Я!

– Балька!

- Я.
- Веселов!
- Я!..

По списку оказалось семьдесят человек. Аккуратно сложив, вернул на место. Обернувшись к офицеру, козырнул, – все люди налицо.

– Добро, – кивнул тот, взглянув на наручные часы. – А теперь можете перекурить и в казарму. Ждать отправки.

– Вольно! Разойдись! – рявкнул второй сержант. После чего, цокая подковками начищенных сапог по асфальту, тройка удалилась.

Строй распался, одни направились куда сказано, большинство к одному из обрезов* у ограды. Вынув сигареты, чиркнули спичками, задымили.

– И на хрена мне это ВДВ? – затянулся «Примой»* конопатый парень. – Лучше бы в танкисты или ракетные войска.

- А на винные склады не хотел? – толкнул в плечо сосед. Вокруг заржали.
- Лично я не против, – сказал еще один. – Хорошо не на флот. Там служить три года.
- Это да, – согласились остальные.

Докурив, покидали бычки в обрез, тоже направились в казарму.

Там одни перебирали вещмешки, другие обсуждали, в какие войска попали, в дальнем конце, слышалась гитара.

– Слышь, Пчел, пошли туда. Сбациаешь что-нибудь для настроения, – сказал Витька.

Всей компанией направились на звук. На матрасе последней секции, скрестив ноги, худощавый парнишка исполнял популярную мелодию «Дом восходящего солнца». Исполнял неплохо, пальцы уверенно скользили по ладам, окружающие внимали.

Когда отзвучал последний аккорд, Сашка, присев рядом, попросил гитару.

- Умеешь? – спросил парнишка.
 - Немного. Взяв в руки, взглянул на друзей.
 - Давай нашу, – сказал Мишка.
- Чуть подстроив, ударил по струнам.

Ах, гостиница моя, ты гостиница,
На кровать присяду я, ты подвинешься.
Занавесишься ресниц занавескою,
Я на час тебе жених, ты невестою,

выдал мягким баритоном. Лица слушателей оживились.

Бабье лето, так и быть, не обидится,
Всех скорее позабыть, с кем не видеться.
Заиграла в жилах кровь коня троянского,
Переводим мы любовь, с итальянского,

исполнил очередной куплет. От других секций подошли еще ребята, число слушателей увеличилось.

Когда закончил, раздались сразу несколько голосов, – давай еще, можешь.

Поочередно спел «Бабье лето» под Высоцкого и «Бригантину» Визбора. Эти тоже понравились.

- Держи, – вернул парню гитару.
- Кончал музыкальную школу? – отложил в сторону.
- Не, самоучка, – ответил Сашка.

Вернувшись к себе в секцию, занялись травлей. Всех интересовали десантные войска. О них кое-что знали, поскольку старший Мишкин брат Володька отслужил там срочную. Вернулся старшиной, с наколкой в виде парашютиста на плече и надписью ниже «Никто кроме нас». Демонстрируя подготовку, как-то на спор перебил ребром ладони три положенных один на один кирпича.

По рассказам, гоняли их до упаду, но служилось интересно. Даже побывал «за бугром» в командировке. Где – не говорил.

За час до обеда последовала команда «всем выйти на плац с вещами!». Прихватив свою хурду*, вывалили наружу.

Там «покупатели» всех построили в колонну, местные солдаты распахнули железные ворота. Шаркая ногами, она вышла в город и свернула на прилегающую улицу с пирамидальными тополями.

– Шире шаг! – подгоняли идущие по бокам сержанты, офицеры следовали по тротуару.

Встречавшиеся по пути прохожие останавливались, с интересом разглядывали разношерстно одетых, бритоголовых ребят, а какая-то старушка с кошелкой, слезливо спросила, – куда ж это вас сынки? В тюрьму?

– В армию бабуля! – откликнулись из строя.

– А-атставить разговоры! – рыкнул ближайший сержант.

Спустя минут двадцать втянулись на железнодорожный вокзал, миновав пассажирские платформы, прошли на запасной путь. Там уже стоял железнодорожный состав. Двери вагонов открыты. Внизу сучали проводники.

– Колонна стой! – донеслось с головы. – Напра-во!

Натыкаясь друг на друга стали, развернулись лицами туда. Началась посадка.

Вломившись одними из первых в тамбур, Сашка с друзьями заняли третий плацкарт, остальные толкаясь, протопали дальше.

– Боковые у вас свободные? – спросили двое из последних.

– Свободные. Падайте.

Подняв столик, уселись у окна, запихав под сидения мешки.

– Лешка, никак ты? – узнал одного Сашка.

– Ба! Пчел, – выпучил глаза. – Тоже загребли?

– Ага.

– В какой команде?

– Шестидесятой. ВДВ. А ты?

– Сорок второй – пограничные войска.

Они вместе учились в техникуме в параллельных группах. Фамилия Лешки была Минаев, родом из Первомайска

– Кого –нибудь из наших тут встречал?

– Вовку Белецкого. У него команда девяносто – загремел на флот.

– Не повезло Белому. Служить три года не фонтан.

– Зато там дают вино и шоколад, – вступил в разговор Степка.

– Откуда знаешь? – почесал нос Мишка.

– У нас бригадир служил на флоте. На подводной лодке. Сам рассказывал.

Второго парня, чем-то напоминавшего грача, звали Ипполит. Имя всех развеселило.

И ничего смешного (нахмурился). У меня батя грек.

Это не удивило, в Донбассе жило много разного народу: русские с украинцами, белорусы, сербы с греками и даже китайцы. Двое учились с Сашкой в одном классе.

Посадка между тем закончилась, по вагону прошли сержанты, пересчитывая команду, затем озабоченный проводник. Сильно похожий на артиста Брондукова.

– Что б мне здесь не сорить и не пьянствовать! – предупредил рекрутов.

Вскоре с головы состава донесся длинный гудок, по нему прошел лязг сцепок, за окнами поплыла платформа. Состав вытянулся с вокзала, набирая ход, под колесами застучали стыки. Многие прильнули к стеклам, провожая взглядом городские окраины, спустя короткое время поезд вырвался на степной простор.

– Ну что, пацаны? Будем устраиваться, – сказал Сашка.

Достав сверху матрасы с подушками внутри, расстелили на полках. Витька с Мишкой забрались на верхние. Приглянулись.

– Эй, дядя, а белье будет? – спросил Степка у возвращавшегося «Брондукова».

– Не положено, – буркнул тот.

– А чай?

– Тоже. Щас затоплю титан. Будет кипяток.

Спустя еще час, несколько ребят, выделенных сержантами, притащили из первого купе, где те располагались, во все остальные по картонному ящичку. В них по три банки тушенки (из расчета одна на двоих), пара кирпичей черняшки, кусковой сахар и к нему цыбик* чая.

– Это сухой паек на сутки, – разъяснили остальным.

– Не жирно, – оценил Степка.

Впрочем, никто не расстроился. От продуктов, захваченных из дому, у них еще оставался изрядный шмат сала, палка финского сервелата и буковинский сыр. Имелись и деньжата. У того же Сашки в пистоне* брюк, несколько свернутых вчетверо десятирублевков, примерно столько у друзей. Зарабатывали все прилично.

– Ну что? Пора пошамать, – сказал Витька, достав, развязали вещмешки. На расстеленной на столике газете нарезали сала, сыра и колбасы, тушенку оставив на потом. Поочередно сходили с кружками к титану, вернувшись с кипятком.

Вскоре все шестеро уписывали бутерброды, запивая горячим чаем с сахаром, вагон чуть покачивало на стыках. За окнами проплывала степь с синеющими у горизонта терриконами, пустые убранные поля и лесопосадки, усыпанные опавшей листвой.

Когда трапеза подходила к концу, Лешка угостил соседей крупным вяленым лещом, издававшим дразнящий запах.

– Батя неделю назад привез с Дона, – раздал нарезанные куски.

– Вкуснотища, – содрал со своего чешую, впился зубами в янтарную мякоть Степка.

– Не то слово, – прожевал жирную спинку Мишка. – Сейчас бы еще пивка.

– С ним у нас в Первомайске была целая история, – сплюнул на газету ребрышко Минаев. – Могу рассказать.

– Валяй, – согласились остальные.

– За неделю до Дня шахтера на шахте имени Менжинского, начальство организовало день повышенной добычи. Что это такое, знаете.

– Угу, – облизал губы Степка.

– Ну, так вот, после второй смены, ночью, выезжает на гора* лучшая бригада «грозов»*, с первого участка. Дали двойной план. За него к празднику светит премия. Помылись в бане и решили это дело отметить.

Скинулись по трешке, один сгонял за самогоном, принес трехлитровый бутылек и закусь. Рядом с шахтой балка с озером, потопали туда. Уселись на лужайке, усугубили, захотелось пивка – залакировать.

Один и говорит, «пошли к коровке». Она стояла у гастронома, в десяти минутах ходьбы от шахты.

« Так уже ночь», отвечают, «она закрыта».

«Херня. Ящик, где кран, вскрыть, что да пальца об асфальт. Выпьем по паре кружек, деньги оставим в нем и по домам». Сказано – сделано. Потопали к коровке. Скрутили неболь-

шой замок на ящике, стали утолять жажду. Настроение поднялось еще выше, кто-то заорал песню.

А минут через двадцать подъехал «луноход»* и всю компанию доставили в вытрезвитель. Утром оттуда отвезли в суд, где каждый получил по десять суток. Над этим случаем в городе потешались неделю, – закончил рассказчик.

– Да, попили молочка от бешеной коровки, – оценил Сашка. Все дружно рассмеялись.

Около пяти вечера въехали в Харьков. Сбавив ход и прогремев по стрелкам, воинский состав втянулся на одну из платформ железнодорожного вокзала. Народу на нем хватало, несколько человек с набитыми сумками попытались подойти к вагонам. Но не тут-то было.

Спрыгнувшие из тамбуров военные всех отогнали, а одного, пытавшегося через опущенное окно продать рекрутам водку, задержали. Подошедший капитан с пистолетом в кобуре, лично отобрал у него сумку и разбил о рельсы дюжину бутылок. После – вернул, махнув рукой, – топай отсюда.

– У-у-у, – разочарованно протянули внутри вагона. – Сколько добра пропало.

После недолгой стоянки, дав длинный гудок, поезд начал вытягиваться с вокзала. Опять загревели стрелки, позади скрылись зеленые фонари, небо стало ниже и темнее. Ночью была остановка в Гомеле (стояли почти час), утром следующего дня прибыли в Минск. За окнами моросил дождь, в вагонах похолодало, из здания вокзала вывели новую партию призывников, прогнали в конец состава.

– Теперь нас наверно с тыщу, – приплюснул к стеклу нос Мишка.

– Каждой твари по паре, – как говорит моя бабка, – зевнул Витька.

Спустя короткое время состав дернулся, медленно завертели колеса, тронулись. Вокзал был в центре города, с интересом рассматривали высотки, площади и архитектурные ансамбли. За время пути познакомились с обоими, сопровождавшими команду сержантами. Офицер появлялся редко. Проходил по вагону, убеждаясь, что все в порядке и исчезал в купейном.

Того что повыше, разбитного и веселого, звали Андреем, напарника, молчаливого и хмурого – Олегом. Оба выслужили срок и после доставки «молодых» увольнялись в запас. Андрей оказался земляком – из Ростова. Он-то и рассказал, что везут всех в Прибалтику, где распределят по учебкам и частям.

– Вам считай, повезло – подмигнул. – Будете служить в войсках дяди Васи.

– Что еще за дядя Вася? – не поняли ребята.

– Командующий Воздушно-десантными войсками СССР генерал армии Маргелов Василий Филиппович. Легендарная личность. Кстати, тоже наш земляк, из Днепропетровска. В Финскую войну командовал разведбатом, а в Великую Отечественную полком морской пехоты и стрелковой дивизией. После нее возглавил ВДВ, сделав их элитой сухопутных войск. Понятно?

– Ага.

– Так что готовьтесь, дрючить вас будут мама не горюй, – пообещал Олег, присутствовавший при разговоре.

– Чего он такой угрюмый? – поинтересовался кто-то, когда ушел.

– Невеста не дождалась и вышла замуж. Переживает – рассмеялся Андрей.

У многих ребят на гражданке тоже остались девушки, Сашке в этом плане было легче. Ни одна в душу не запала.

Сразу за Минском начались густые хвойные леса, таких в их краях не было. Изредка на проселках виднелись деревни.

– Да, тут наверное и медведи водятся, – глядя в окно сказал Мишка.

– А еще партизаны, – добавил Степка. – Хотите анекдот?

– Мели Емеля, твоя неделя, – откликнулся с верхней полки Витька.

– Значит так. Идет вот по такому лесу бабка, – ткнул в стекло пальцем. – Ягоды собирает. Из кустов выходят три мужика. Небритые, в ватниках и сапогах, на груди автоматы. «Бабка, немцы в деревне есть?»

«Какие немцы, сынок? Война давно кончилась», отвечает.

«М-да» переглядываются. «А мы до сих пор поезда под откос пускаем».

Слушатели весело загоготали.

– А вот еще один, – сказал Лешка. Началась травля.

Затем позавтракали оставшимся со вчерашнего дня пайком, запивая чаем, спустя час по вагону прошлись сержанты, – собрать вещи. Скоро прибываем.

В десять утра поезд выкатил из лесов, сбоку холодно мелькнула река, въехал на окраину большого города. За окнами потянулся современный жилой массив, перемежавшийся старинными постройками. В разных местах виднелись шпили костелов, над которыми низко висели облака.

Чуть позже состав втягивался на железнодорожный вокзал с неоновой вывеской Vilnius на фронтоне главного здания. Народу на платформах было немного, с неба сеялась мелкая крупа.

– Вот она, Прибалтика, – глядя в окно, сказал кто-то из ребят.

Зашипели тормоза, по вагонам прошла мелкая дрожь. Стали.

– С вещами на выход! – последовала команда

Глава 2. Учебка

«Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным воином, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное и народное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему Народу, своей Советской Родине и Советскому Правительству.

Я всегда готов по приказу Советского Правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик и, как воин Вооруженных Сил, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагами.

Если же я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

(Военная присяга СССР)

– Рота подъем!

В казарме вспыхнул свет, затряслись двухъярусные кровати. Спрыгнув со своей, Сашка принялся лихорадочно одеваться. Натянув бриджи и намотав портянки, сунул ноги в кирзачи*, занял место в шеренге на среднем проходе.

Шустрей! Шустрей! – расхаживал перед нею ефрейтор с нарукавной повязкой.

– Равняйся! Смир-рна! – стал посередине. – Напра-во! Бегом вниз!

Дневальный в предбаннике широко распахнул дверь, рота загремела сапогами по бетонным маршам. На плацу перед казармой, в утреннем полумраке строились еще три (слышались команды)

Еще через несколько минут учебный батальон шеренгами по четыре вывалил за открытые ворота с красными звездами на створках. По сторонам бежали сержанты в тельняшках, над головами поднимался легкий пар от дыхания.

Уже третью неделю Сашка с друзьями находились в учебном центре ВДВ Прибалтийского военного округа, располагавшемся близ деревни Гайжюнай в двадцати пяти километрах от Каунаса. Учебка находилась в лесу, занимая несколько гектаров за бетонной оградой. Внутри штаб, казармы из серого кирпича, обширный плац и подсобные строения. Неподалеку полигон с аэродромом обеспечения.

Первые впечатления от части, куда попали, были не особые.

На помывке в бане всем помазали подмышки и лобки какой-то вонючей гадостью, а когда вернулись в раздевалку, оказалось что у Мишки сперли часы. Потом на вещевом складе, приказав сдать гражданку, всем выдали обычное солдатское обмундирование и кирзовые сапоги.

– А тельняшку? – спросил кто-то из парней.

– Ее надо заслужить, салага, – хмыкнул мордастый прапорщик. – Следующий!

Когда вышли со склада, увидели, как неподалеку десяток солдат под присмотром ефрейтора таскали доски.

– Чего строите, ребята? – поинтересовался кто-то из новичков.

– Сегодня прыжковой день, – цикнул тот слюной на землю. – Первый батальон прыгает, второй колотит гробы.

– ?!

– Ну да, – подтвердил один из солдат. – Вы что? Еще не поняли куда попали?

Под ложечкой засосало, всем стало тоскливо.

Кормежка оказалась тоже не подарок. На завтрак каша-размазня, кубик масла, хлеб, сахар и чай. В обед кислые щи и гречка с кусками жира вместо мяса, бледный кисель. Ужин – пюре на воде, жареная рыба, компот.

– Да, на такой хавке* не забалуешь, – оценили молодые.

На второй день пребывания в части, друзьям пришлось расстаться. Сашку с Витькой определили в первую роту, Мишку и Степана в третью.

Командиром первой роты оказался цыганистый капитан по фамилии Варава. Приказав выстроить курсантов на среднем проходе, толкнул речь. Из нее следовало, что новички были в лучший учебный центр ВДВ, из них будут готовить младших командиров, а затем отправят в действующие войска.

– Ну а кто не потянет, спишем в стройбат. Ясно?

– Я-асно, протянули в шеренгах.

– Не ясно, а есть! – повысил голос.

– Есть! – рявкнули сто двадцать глоток.

– Приступайте, – обернулся к стоявшим позади еще несколькими офицерам с сержантами. Развернулся на каблуках и, скрипя начищенными хромачами*, оставил помещение.

Вскоре все были распределены по подразделениям.

Сашка с Витькой попали во второе отделение первого взвода. Командиром взвода был молодежавший розовощекий лейтенант по фамилии Ильин, заместителем старший сержант Каллас – двухметровый блондин из прибалтов. Рядом с ним стояли еще трое: младший сержант по виду азиат и два ефрейтора. Эти были командирами отделений. Азиата звали Пак, ефрейторов Швыденко и Рыбин.

Далее всех развели по кубрикам (таких было четыре) где Ильин сообщил, со следующего утра в роте начинается курс молодого бойца. Продлится месяц. И сообщил, в чем заключается.

– Ну а после присяга и вперед, – закончил, расхаживая перед шеренгами. Все ясно?

– Так точно! – проорали курсанты.

– Ну, вот и хорошо. Каллас, продолжайте, – кивнул прибалту. После этого тоже исчез. Как и не было.

– Значит-т так, – чуть растягивая слова, оглядел тот взвод. – Сейчас будем пришивать погон-ны с петлицами и подворотнички.

Далее, распустив строй, разрешил сесть на кровати и табуретки перед ними. А двоих отправил в бытовку за иголками с нитками. Отделенные показали, что и как, приступили к работе. Один прищпандырил подворотничок с оборотной стороны ворота, у второго погоны оказались на спине, третий едва не пришил палец.

– Ну, вы и тупые – покачал головой Пак. – Переделать! (отодрал пришитое).

Когда закончили и результат удовлетворил командиров, занялись клемлением обмундирования. Начиная от шинелей с шапками и заканчивая «парадкой»*. Тайнство выполнялось спичками, макаемыми в густой раствор хлорки, на подкладки наносился номер военного билета вадельца.

Затем показали, как правильно наматывать портянки и заправлять койки. Делали это все спокойно, в отличие от сержантов других взводов. Из смежных кубриков то и дело доносился «великий и могучий», в можно сказать виртуозном исполнении.

После обеда все продолжилось до ужина и вечерней поверки. Отбились*, полные радужных впечатлений.

– Левое плечо вперед! – заорал головной сержант, бегущая колонна, свернула направо. Побежали под соснами, по внешнему периметру части со стороны квадрата – километр. С учетом предшествовавшего расстояния, всего пять.

– И раз! И раз! И раз! – слышались команды.

– Гуп, гуп, гуп, – стучали сапоги.

Через двадцать минут снова втянулись в ворота. Выстроили на зарядку на плацу. Расстояние меж шеренгами два метра, полтора от бойца до бойца. Все сопели носами, над телами поднимался пар.

Начальник физподготовки – рыжий прапорщик встал перед первой, – и делай раз! (бросил руки по сторонам) делай два! – взметнул вверх, – три! – резко опустил.

В течение получаса выполняли специальный комплекс, затем последовала команда «В казармы! Бегом марш!»

Далее была заправка коек, умывание ледяной водой по пояс и бритье. Утренняя поверка с приборкой, переход в столовую. Еда теперь казалась необычно вкусной, единственный недостаток – мало. Сметали все. Оставшиеся куски хлеба прятали в карманы, на перекус.

Строями возвращались в казармы, начинался развод на занятия.

До обеда изучали уставы, текст воинской присяги, автомат Калашникова, противогаз и организацию несения службы. Потом занимались на плацу строевой подготовкой, выполнением приемом с оружием, разучивали и исполняли строевые песни. После ужина опять занятия, до упора, час личного времени, вечерняя приборка с поверкой и отбой.

За это время Сашка с Витькой сбросили несколько килограммов веса, то же было и у других. Курс прошли не все. Двое с простудой попали в санчасть, вернулся один. Второго увезли в госпиталь, откуда не вернулся.

– Ничего, – сказал по этому поводу ротный командир. – Слабые умрут, остальных будем готовить дальше.

20-го декабря приняли присягу.

В клубе части установили тумбы покрытые кумачом, на каждой текст Присяги и журнал. По сторонам выстроили курсантов в парадной форме и с автоматами, в торце, на возвышении – знамя части и командный состав.

Принимавших по одному вызывали из строя, тот деревянно маршировал к тумбе, брал в руку документ в красной папке и громко читал текст. Затем клал на место, брал ручку и расписывался в журнале. Поворачивался и, чеканя шаг, возвращался обратно. Что испытывали другие, Сашка не знал, но сам лично волновался. Очень уж торжественная была процедура.

К некоторым ребятам приехали родители, они тоже находились в зале. Одна из мам всплакнула, а рослый дядька с орденами на груди, тряхнул кулаком и пробасил «не подведите сынки! Служите исправно!»

Потом был концерт артистов из Каунаса, а после праздничный обед: кормили сборной солянкой, макаронами с котлетой, пили какао. Родителям разрешили посетить казармы, посмотреть, как живут их чада. Там все блестело и радовало чистотой глаза.

А когда распрощавшись, они уехали, к Сашке подошел Женька Банников. Был он родом из Ленинграда, вышибли с первого курса института за раздолбайство. Койки стояли впритык, подружились.

– Топай со мной, – заговорщицки подмигнул.

Вышли из кубрика, миновали умывальник открыл дверь в сушилку. На стеллажах сушилось х/б и портянки, в батареях шипел пар. Закрыв, вынул из-за одной бутылку портвейна «Три семерки». Открыв зубами, протянул, – держи. Выпьем за присягу.

Сашка молча взял в руку, забулькал горлом. Оставшуюся половину передал Банникову. Тот допил, сунул за батарею, достал из кармана две шоколадных конфеты «Белочка». Закусив, вышли наружу.

– Откуда дровишки? – улыбаясь, спросил Пчелинцев.

– Мама привезла. Она у меня учительница.

«Интересно», подумал про себя. Но ничего не сказал. Всякое бывает.

Вино чуть кружило голову, на душе было тепло.

– Слышь, Жень, а давай сходим в чайную? Я угощаю. Только захватим Резника.

– Не вопрос – ухмыльнулся Банников.

Однако Витьке в казарме не оказалось. Он с частью ребят ушел в клуб, смотреть фильмы.

Надев в раздевалке шинели с голубыми погонами, затянулись ремнями, шлепнув на головы шапки, вышли из роты, сбегали по ступеням вниз. Зима в Прибалтике оказалась мягкой, снега мало. По ночам стояли небольшие морозы, днями оттепели и туманы.

По мокрому асфальту плаца тут и там прогуливались курсанты, в курилке дымили сигаретами и травили анекдоты. У бетонного забора, под высокими, с рыжими стволами соснами, человек десять развлекались занимательной игрой.

Спиной к ним стоял один, остальные поочередно с размаху лупили в плечо. Когда после удара оборачивался, гогоча, выставляли вперед большие пальцы. Если угадывал, место занимал другой.

Интересуясь, подошли, понаблюдали, а потом Сашка сказал, – попробую и я.

Затесался к игрокам. Когда место занял очередной ударяемый, с разворота саданул в цель. Тот юзом полетел по скользкой наледи.

– А-а-а! восторженно завопила толпа.

Вскочив, натянул шапку, чуть подумав, указал на одного, поздравее.

– Не угадал! (захохотали). Становись снова!

– Да, не хилый ты малый, – сказал Женька на подходе к чайной.

– Я что, – шмыгнул носом. – Вот дед у меня действительно здоровый. Рассказывают, в молодые годы кулаком в лоб, на спор валил быка.

– Живой?

– Кто? Бык?

– Да нет, дед.

– А что ему старому черту сделается? Как выпьет на праздник, начинает куражится. «Выгоню бабку, женюсь на молодой».

Чайная находилась в дальней казарме, на первом этаже. Здесь же располагался военторговский магазин где продавались все, нужное солдату. От асидола для чистки поясных блях, сигарет и туалетных принадлежностей, до тельняшек, ботинок и сапог.

Открыв дверь напротив, вошли в довольно просторное помещение, за стеклянной витриной которого высилась дебелая буфетчица в белом фартуке и кружевной наколке на голове. Встали в очередь. Когда подошла, Сашка заказал полкило докторской колбасы и московский батон, попросив нарезать, пару эклеров и по бутылке сидра.

Расплатился, взяв тарелки с бутылками и стаканы, заняли один из свободных столиков. За другими тоже сидели компании курсантов. У окна, потягивая горячий кофе, расположилась тройка сержантов.

Для начали умяли колбасу с хлебом, щедро намазывая горчицей, перешли к пирожным с пузырящимся напитком.

– Слышь, Жень, а ты в Эрмитаже был? – откусил кусок Сашка.

– Много раз, – сделал то же приятель.

– Ну и как?

– Зашибись, особо картины с голыми бабами.

– А на «Авроре»?

– Обижаешь, Пчел (рассмеялся). Водили в школе на экскурсию, и навещал с друзьями.

– А я вот дальше Ворошиловграда нигде не бывал, – вздохнул.

– Ничего, побываешь. После службы приглашаю в гости, – высосал стакан и опять наполнил.

Посидев полчаса, вернулись в роту, и там дал свой адрес. Сашка записал.

Вскоре из клуба вернулись ходившие туда, подошел Витька. – Много потеряли, пацаны, забойный фильм.

– Как называется?

– «Офицеры». Про войну.

– Летом шел у нас в Ленинграде, – сказал Женька. – Смотрели с ребятами. Впечатлил.

После ужина, уединившись в ленкомнате, Сашка написал очередное письмо родителям. В нем сообщил, что приняли военную Присягу, служба идет нормально. Жив -здоров. Лизнув языком кромку, заклеил конверт, надписал адрес, отнес к тумбочке с дневальным. Опустил в почтовый ящик, висевший на стене.

Далее были вечерняя приборка, прогулка с песнями и поверка. Ее проводил дежуривший по роте старший сержант Тоцкий. Обеспечивающий офицер отсутствовал, не появлялись и замкомвзводы. Умывальник благоухал парфюмом, в урнах поблескивали флаконы от одеколona. Дань Присяги отметили не только Женька с Сашкой.

В свое время, в техникуме, Пчелу довелось попробовать эту гадость. В их группе учился некий Федор Куропатов отслуживший армию. Вот он как-то и предложил хлебнуть «тройного» в комнате общежития, где жил в одной комнате с Сашкой и Колькой Пикаловым.

Достал из тумбочки зеленый флакон, разлил по трем стаканам. Нарезал на дольки яблоко, добавил из графина воды, разбавил.

«С богом», – высосал до дна. Крякнул и захрустел одной.

Соседи повторили, у Сашки глаза полезли на лоб, а Колька, зажав рот ладонью, выскочил наружу. Пчел удержался и часто задышал.

«Ну как?» – протянул дольку Федор.

«Как серпом по яйцам» и выскочил вслед за Колькой.

Со следующего утра служба стала еще более напряженной. Усугублялась она тем, что в роте, где служили Сашка с Витькой, готовили разведчиков. В других – связистов, операторов-наводчиков, механиков-водителей БМД* и прочих специалистов.

Теперь после утреннего кросса бежали в спортивный городок, оборудованный спортивными снарядами, где карабкались вверх по канатам, подтягивались и делали выход силой на турниках, прыгали через «коня», вырабатывая ловкость и наращивая мышцы.

Строевой подготовки стало меньше, а вот боевой – много больше: в первую очередь огневая, по неподвижным и движущимся мишеням, рукопашный и ножевой бой, ориентирование на местности, марш – броски с полной выкладкой, в том числе в ночное время.

Курсанты выматывались до предела, но командование расслабляться не давало. Помимо прочего неслись внутренние наряды, караулы и выполнялись хозяйственные работы. Двое не выдержали нагрузок и их перевели в другие роты, там были чуть меньше.

С января началась парашютная подготовка.

Она включала в себя теорию и практику. Теоретические занятия проходили в учебных классах, где изучали боевой десантный парашют. Назывался он «Д-1-8» серии три. При этом выяснилось, что несколько ребят до призыва закончили школы «ДОССАФ»* и уже прыгали с парашютом.

А еще курсанты с удивлением узнали, что его изобрел русский актер Котельников перед Первой мировой войной. Купол основного, сшитый из перкаля, составлял восемьдесят квадратных метров, запасного – пятьдесят. У парашюта имелось двадцать восемь строп сведенных в четыре лямки. Для подстраховки имелись специальные приборы, часовой и барометрический, предусматривавшие автоматическое раскрытие в случае несрабатывания ручного.

– А если не работают и они? – спросил на одном из первых занятий Калласа Гагик Казарян. В прошлом парикмахер из Еревана.

– Рас-сопьешься всямку, – невозмутимо ответил старший сержант.

Такая перспектива не устраивала, все поежились.

После теории, перешли к практике на учебном полигоне части. Он находился внутри периметра на обширной площадке, где стояли учебные тренажеры – стапеля и макеты Ан-12 и Ил-76.

Стапеля представляли собой конструкцию из семиметровых столбов, соединенных наверху перекладиной, с которых свистали прочные тросы. Во время тренировок, забравшись на специальную площадку, курсанты, пристегнув к ним карабины, имитировали спуск на раскрытом парашюте. При этом учили группироваться, чтобы не поломать конечности и сохранить зубы.

Макеты являлись корпусами списанных самолетов оборудованных внутри тросами, удлинителями для крепления карабинов, звуковой и световой сигнализацией. Предназначались для отработки посадки в грузовую кабину, размещения и перемещения в ней, а также действий по командам "Приготовиться" и "Пошел". После прыжка с высоты от полутора до двух метров курсант приземлялся в специальную яму, наполненную поролоном.

Учили также самостоятельной укладке парашютов закрепленных за каждым. Проводились занятия на плацу перед казармами. Курсанты выполняли процедуру в составе группы, под контролем опытных инструкторов. Каждый парашют укладывался поэтапно двумя, проверялся, затем следовал очередной этап. После завершения работы курсант заполнял специальный паспорт и расписывался в графе «укладчик», а инструктор во второй – «проверяющий».

К этому времени к Сашке стал благоволить Каллас. Получилось случайно.

В роте помимо жилых и подсобных помещений имелся спортивный кубрик. Там имелись штанга с гантелями и гири, шведская стенка, параллельные брусья, турник и маты. Вымотавшиеся за день курсанты его не посещали, мечтая о желанном сне, а вот сержанты – регулярно.

Однажды, перед отбоем, зашел туда и Сашка. Кубрик был пуст. Расстегнув пуговицы, снял куртку, аккуратно положил на лавку у стены. Взяв гантели, размялся, перешел к двойнику*, выжав левой десяток раз.

– Не слабо, – раздалось за спиной, обернулся. В дверном проеме стояли Каллас и Пак.

– Вертеть умеешь? – подошел старший сержант.

– Так точно. И выбросил, меняя руки, над головой еще полтора десятка.

– А еще что-нибудь этакое можешь? – повертел ладонью Пак.

– Могу зажатым в руке гвоздем пробить насквозь сороковку.

– Врешь – сузил раскосые глаза.

– Можно проверить, – пожал плечами.

– Гвоздь большой? – спросил Каллас.

– Двенадцатка.

– Сходи к каптеру*, – приказал младшему сержанту.

Тот исчез и вскоре вернулся, – на.

Сашка взял в руку, осмотрел, – пойдет. Направились к невысокой длинной лавке у окна. Пак, нагнувшись, пощупал, – сантиметра четыре (взглянул на Калласа).

– Давай, бей, – кивнул старший сержант Сашке.

– Тот достал из кармана сложенный вчетверо носовой платок. Положив на ладонь, туда же угнездил шляпку, крепко сжал в кулак острием вниз.

Присел на корточки, «хэк!» врубил гвоздь в лавку. Встал. Наверху осталась только верхняя часть – прошел насквозь.

– Да-а, – протянул замковзвода. – Ну и дури же у тебя Пчелинцев. – Ты случайно не молот-тобоец?

– Не, – повертел головой Сашка. – Шахтер.

– А где так наблатыкался? – спросил младший сержант, пытаясь вытащить гвоздь – не получилось.

– Отец научил. А его – командир на фронте.

На следующий вечер, после вечерней поверки, к Сашке в умывальнике подошел Пак.

– После отбоя зайдешь в старшинскую. Так называлась комната, где собирались сержанты.

– Чего это он тебя, Пчел? – спросил, утираясь полотенцем Витька.

– Не знаю.

Когда объявили желанную команду и рота кроме дневальных «отбилась»,* Сашка постучал в дверь старшинской. Открыв дверь, вошел, бросив по швам руки доложил. Кроме Калласа, в помещении находились Пак, незнакомые старшина и еще два сержанта. Все уютно расположились за столом, на стульях и продавленном диване.

– Этот, что ли? – критически оглядел курсанта старшина.

– Он-н, – кивнул Каллас. – Ну, так что? Пари?

– Давай.

Снял с широкого запястья плоский «Полет» на браслете, положил на стол.

Пак поставил в центре комнаты табуретку, на нее положил обрезок доски, сверху такой же, как вчера, гвоздь.

– Приступай, – отошел в сторону.

На этот раз Сашка пробил не только доску, но и сиденье табуретки.

– Твою мать! – опупели гости.

Каллас молча взял часы, сунув в карман, а из ящика стола достал пачку «Родоп», вручив Сашке – иди, отдыхай.

В течение следующей недели замковзвода после отбоя дважды брал Пчелинцева с собой в другие роты. Там на пари были выиграны три бутылки водки и коробка сгущенки. Водкой, естественно, старший сержант Сашку не угостил, но отдал половину лакомства. Тот поделился с ребятами.

– Где взял, Пчел? – облизнулся Женька Банников, – высосав свою долю.

– Подарили, – рассмеялся.

Служба продолжалась.

Глава 3. Прыжок на заре. Встреча

1. Воздушно-десантные войска являются высокомобильным родом Сухопутных войск и предназначены для выполнения задач в тылу противника в качестве воздушных десантов.

Они оснащены современным оружием и боевой техникой, беззаветно преданы Советской Родине, Коммунистической партии и Советскому правительству и призваны совместно с другими видами Вооруженных Сил и родами Сухопутных войск надежно защищать мирный созидательный труд советского народа, бдительно стоять на страже государственных интересов СССР.

Для выполнения этой священной обязанности они должны быть постоянно готовы десантироваться в тыл противника и успешно выполнять боевые задачи.

2. Части и подразделения воздушно-десантных войск при выполнении боевых задач в тылу противника ведут общевойсковой бой и совершают рейды (ведут рейдовые действия).

Бой – организованное вооруженное столкновение соединений, частей и подразделений воюющих сторон, представляющее собой согласованные по цели, месту и времени удары, огонь и маневр в целях уничтожения (разгрома) противника и выполнения других тактических задач в определенном районе в течение короткого времени.

Бой является основной формой тактических действий войск, единственным средством для достижения победы. Разгром противника и победа в бою достигаются мощными ударами всех видов оружия, своевременным использованием их результатов, активными и решительными действиями соединений, частей и подразделений.

Удар – составная часть боя, заключающаяся в одновременном поражении группировок войск и объектов противника путем мощного воздействия на них ядерным, обычным оружием или войсками. В зависимости от применяемых средств удары могут быть ядерные, огневые, ракетные, ракетно-артиллерийские, авиационные и удары войсками, а по количеству участвующих средств и поражаемых объектов – массированные, сосредоточенные, групповые и одиночные.

Огонь – одно из основных средств уничтожения противника в бою. Эффективность огня достигается его массированием, внезапностью применения, меткостью и умелым управлением.

Маневр – организованное передвижение войск в ходе боя на новое направление (рубеж, в район) в целях занятия выгодного положения [5] по отношению к противнику и создания необходимой группировки сил и средств.

Рейд (рейдовые действия) – форма тактических действий войск, заключающихся в передвижении по территории противника и ведении боя в целях последовательного захвата и уничтожения (вывода из строя) ранее назначенных или вновь выявленных объектов противника, дезорганизации управления его войсками и работы тыла, нарушения коммуникаций, а также для выхода в новый район и овладения им.

(Из Боевого Устава ВДВ)

Новый 1975 – й встретили скромно.

За сутки до него в роту поставили елку, украсив серпантином и незамысловатыми игрушками из имевшейся в каптерке коробки. После ужина занятия отменили и ротный замполит, собрав курсантов в ленинской комнате, толкнул речь об успехах построения коммунизма в СССР. Затем от имени командования и себя лично, поздравил всех с наступающим праздником.

Далее состоялся просмотр новогодних передач, вечерняя поверка и отбой как обычно, в двадцать два ноль – ноль. Спустя час сержантский состав, включая дежурного, куда-то исчез, и некоторые из курсантов в тапках и трусах сбегали в умывальник. Оттуда вернулись, благоухая парфюмом и отрыгиваясь. Сашка в этом не участвовал. Крепко спал.

А спустя еще несколько дней состоялось главное, чего ждали. Первый практический прыжок с небес на землю. Об этом объявили на утреннем построении, чтобы было меньше мандража*. Прыжок предполагался без оружия, с высоты восьмьсот метров с самолета Ан-2.

Ночью прошел обильный снегопад, стоял легкий морозец.

Все были в зимнем камуфляже (штаны по грудь на подтяжках, бушлат, под ними теплое белье) шапках-ушанках и валенках с резиновыми бандажами, чтобы не слетели в воздухе. На плечах заранее уложенные парашюты.

– Рота! Напра-во! Вперед шагом марш! – скомандовал капитан Варава.

Шеренгами по четыре миновали открытые ворота с караульным, вышли на лесную дорогу. По бокам в белых одеяниях кусты и деревья, из глубины чащи дробный стук дятла, скрип снега под ногами.

За полчаса, то бегом то шагом, добрались до аэродрома. На нем серела бетонная вышка КДП* с антеннами, блестели инеем ангары, на стоянках стояли самолеты.

Роту выстроили на взлетной полосе, началась посадка в машины из расчета девять курсантов и выпускающий офицер на борт. Внутри фюзеляжа рассаживали на дюралевые скамейки по бортам. С одного пять человек, там, где дверь – четыре. Прыгать полагалось только после хлопка выпускающего рукой по плечу и команды «пошел!». Им в данном случае являлся командир третьего взвода старший лейтенант Грачев.

Сашка оказался четвертым по правому борту, пятым, с напряженным лицом Витька.

«Наверное, и у меня такое» мелькнуло в голове.

Грачев закрыл дверь, взревел двигатель, «Аннушка» взяла разбег и взмыла в небо. Сашка почувствовал ощущение полета. До этого никогда не летал. Разве что только в шахтной клетке. Самолет сделал разворот, в иллюминаторах отразилась утренняя заря у горизонта. День обещал быть погожим.

Через минуту поступила команда «зацепить карабины!» – выполнили. Самолет стал кругами набирать высоту. Над кабиной летчиков впереди на переборке имелись три фонаря: оранжевый – «внимание», зеленый – «пошел» и красный «отставить».

Вначале зажегся оранжевый, летчик развернулся в кресле и кивнул выпускающему. Тот открыл внутрь фюзеляжа дверь. Шум мотора усилился, за ней плыли рваные клочья облаков, свистел ветер. Первые четверо по левому борту встали, чуть пригнулись и по одному подошли к люку.

По команде Грачева отталкивались от порожка и быстро исчезали в проеме. Змеились, закручиваясь в воздухе, вытяжные фалы. Как только выпрыгнул последний, встала оставшаяся пятерка.

Когда очередь дошла до Сашки, взводный в очередной раз с хлопком по плечу проорал «пошел!» и тот с замиранием сердца сиганул в воющую пустоту. Ветер его резко крутанул, отсчитав в уме «501-502-503» выдернул кольцо. Резкий рывок и будто взлетел вверх. На самом деле раскрылся купол, прекратилось свободное падение. После рева мотора было непривычно тихо, Сашку переполнял восторг, и он что есть мочи заорал «Даешь!».

Затем вспомнил, что нужно посмотреть на купол, взглянул наверх. Он был полным, стропы не перехлестнуты – все нормально. Заозирался по сторонам, там и ниже, тоже висели купола. А внизу, на снежной белизне виднелись фигурки приземлившихся, возившихся с парашютами.

Согласно наставлению вытянул сдвинутые вместе ступни ног так, чтобы из – под запаски была видна их треть, стал ждать землю. Удар оказался не особо сильным (смягчил снег), зава-

лился на бок и быстро, как учили, стал гасить купол, подтягивая нижние лямки. Вскочив, отбежал в сторону, чтобы не утянуло ветром.

Когда уложив в сумки парашюты все построились, скрипя валенками, подошел командир роты и, приложив к шапке руку, поздравил с первым прыжком.

– Служим Советскому Союзу! – радостно гаркнули курсанты.

После чего каждому вручили по небольшой серой коробочке со значком парашютиста. Был он на латунной основе с синей эмалью, на ней контур парашюта. Внизу треугольная подвеска, вверху рубиновая звезда. В этот же день в роте, каптер выдал каждому по тельняшке, изъязв нательные рубахи. Надев их, привинтили значки к курткам ходили именинниками. Знай наших!

А вечером после отбоя, лежа в койке, Женька по секрету рассказал Сашке, что во время прыжка очканул*.

– Ну и? – спросил приятель.

– Наш Ильин дал сзади пенделя, вылетел как пробка.

– А если бы не дал?

– Даже не знаю, – вздохнул Женька.

– Ладно, давай спать.

– Давай.

Засопели носами.

После того дня все почувствовали себя увереннее. Как разъяснил Каллас, преодолели психологический барьер. У старшего сержанта было семнадцать прыжков, весной готовился на дембель. Пак служил год, имел восемь и должен был заступить на его место. По национальности был кореец и страстно увлекался рукопашным боем.

Как-то под настроение рассказал Сашке, что до службы у себя в Южно-Сахалинске занимался в подпольной секции каратэ и даже имел разряд, именуемый даном.

– А почему в подпольной? – удивился курсант.

– В СССР оно под запретом.

Сашке тоже нравился рукопашный бой, попросил показать несколько приемов.

Младший сержант согласился, поскольку обучил его трюку с гвоздем. Сороковку кореец не пробивал, а тридцатку насквозь. Чем был весьма доволен.

По вечерам, после отбоя стали вместе заниматься в спортивном кубрике. Для начала Сергей (так звали Пака) показал основные стойки, а затем технику ударов и защиты. Ученик оказался понятливым, продолжили.

Спустя неделю снова был выход на аэродром, где выполнили второй прыжок. Теперь с самолета Ан-12 и с оружием. Это была современная машина, оснащенная четырьмя двигателями с размахом крыльев в тридцать восемь метров, способная брать на борт двадцать тонн груза, две БМД или шестьдесят парашютистов.

Выпускали двумя потоками за два захода. В этот раз чувствовали себя уверенно. Затем были еще, на точность приземления и в заданную точку, с выходом к назначенному объекту.

К огневой подготовке добавилась стрельба на полигоне из десантного гранатомета РПГ-7Д. Он предназначался для борьбы с танками, самоходными установками и другими бронированными средствами противника. При этом один из курсантов, по фамилии Бобылев самовольно перебегая позади ведущего огонь расчета, умудрился попасть под реактивную струю из сопла пусковой трубы.

Спасло то, что находился в десятке метрах. Свалило с ног и прожгло бушлат. Взамен выдали другой, а к нему пять нарядов на службу. Чтобы раем не казалась.

На том же полигоне учили водить «УАЗ» с БМД и на скорости выпрыгивать из «Зила». Сгруппировавшись падать с перекатом и вести прицельный огонь из автомата по мишеням. Дни летели быстрой чередой.

Кроме всего названного, по понедельникам, в роте проходили политзанятия. С курсантами их проводил замполит, старший лейтенант Харламов. Невысокого роста, подвижный и с залысинами на лбу. Шли они до обеда в ленкомнате, оборудованной стендами и плакатами, с длинным рядом портретов членов Политбюро на стене.

Расхаживая перед передними столами Харламов излагал политическую обстановку в стране, подчеркивая успехи на стройках коммунизма и клеймил позором страны загнивающего капитализма во главе с Америкой. Сидевшие в первых рядах курсанты пучили на лектора глаза и делали пометки в специальных тетрадях, на задних клевали носами.

На этих занятиях Сашка впервые услышал, что страна живет в империалистическом окружении, а США со своими наймитами готовится на нее напасть, окружая своими военными базами, расположенными в Европе. Еще узнал об их военных блоках именуемых НАТО, СЕНТО и СЕАТО опутывающими своими щупальцами весь Мир. Для практического большинства курсантов все это тоже являлось новостью, на гражданке подобным не интересовались.

– Во суки, что делают, – обменивались мнениями на перерывах в курилке. – Надо бы им вломить.

Помимо лекций, в эти дни в клубе показывали документальные фильмы о вторжении американцев на Кубу, во Вьетнам и Лаос, зверствах их военщины в отношении мирного населения. Проводились встречи и с ветеранами ВДВ, участвовавшими в боевых действиях на стороне демократических режимов этих стран.

Таким образом, вырабатывалась ненависть к агрессору и готовность к войне с ним.

Оказалось также, что ранее дружественный Китай тоже оказался агрессором, попытавшись несколько лет назад захватить на Дальнем Востоке принадлежавший СССР остров Даманский. Пресса об этом не писала, а оказывается, было.

После окончания занятий замполит разрешал задавать вопросы и подробно на них отвечал. Задал свой и Сашка, по поводу Китая. Его отец выписывал различные газеты и журнал «Коммунист». Там он как-то случайно прочитал, что по заявлению Генсека КНР Мао Дзедуну на рубеже двадцатого века Китай станет мировым лидером.

Именно про это и спросил. Старлей закашлялся и ответил, – ложь. Мировой лидер, мы. А после занятий зайдешь ко мне. Ясно?

– Так точно.

В кабинете, разрешив сесть, поинтересовался, – откуда у тебя такие мысли?

Сашка рассказал.

– М-да, пожевал губами. – Больше про это не болтай. Можешь попасть к особисту.

– А кто это? – вскинул брови.

– Про КГБ слышал?

– В общих чертах.

– Ну, так вот, этот человек оттуда. Будешь иметь бледный вид. Все ясно?

– Так точно (встал). – Разрешите идти?

– Свободен.

В курилке ребята поинтересовались, – ну что, уестествовил?

– Немного, – достал из кармана сигареты. Загоготали.

К середине марта повеяло весной, снег почти стаял, полевых занятий стало еще больше. В них входили дневные и ночные марш-броски с полной выкладкой, протяженностью до пятнадцати километров; устройство засад и нападение на учебные объекты, захват языков и тактика их допроса.

За это время все возмужали, и теперь в курсантах было не узнать тех гражданских ребят, что прибыли в часть четыре месяца назад. Все стали жилистыми и обветренными, быстрыми в движениях и с хорошей реакцией. Есть тоже хотелось меньше, пищи стало хватать.

Наметились в роте и лидеры, показывающие лучшие результаты в боевой и политической подготовке. В первом взводе курсант Жданок, двухметровый белорус, родом из Осиповичей, во втором Новоселов – туляк. В третьем и четвертом такими были татарин Алимов с Волги и Федотов, всегда представлявшийся «мы псковские».

Сашка с Витькой тоже имели неплохие результаты, шли можно сказать впритирку.

А вот Женька числился в отстающих, были и такие.

– Не по мне эта десантура, – сказал как-то при чистке автоматов после очередных стрельб. Все тут грубое, никакой романтики. А я, между прочим, чувственная натура.

– Слушай ты, чувственная натура, – подошел слышавший это Пак. – Лучше протирай канал ствола. Найду соринку, пойдешь после отбоя драить толчок*.

– Есть, – вздохнул и активнее заработал шомполом.

К слову, дедовщины в учебке не было. Сержантский состав был строгим, но молодых не гнобил. Это уродливое явление появилось спустя несколько лет.

В первых числах апреля, после обеда, Сашку вызвали на КПП части.

«Интересно, кому это я понадобился?» надев шапку, быстро вышел на плац.

В помещении контрольно-пропускного пункта доложил дежурному прапорщику за стойкой.

– Тебе туда, – кивнул на дверь смежной комнаты. Постучав, вошел.

За столом, друг против друга, сидели замкомвзвода и отец. В габардиновой кепке и расстегнутом пальто. Выпучив глаза остановился.

– Ну, здравствуй, сын, – встав, шагнул навстречу. Приобнял. По натуре он был жестким человеком, телячьих нежностей не допускал.

– Здравствуй батя, – вышел из ступора Сашка.

Наблюдавший эту картину Каллас тоже поднялся и пожал отцу руку, – будет все как обещал, Николай Иванович. После зайдешь, – бросил Сашке и вышел наружу.

– Ты как здесь? – спросил отца, когда присели на стулья.

– Вот, решил навестить тебя. Узнать, как служишь.

– Да я ж писал

– Одно дело письма, другое убедиться лично. Замковзвода, кстати, тебя хвалит. Серьезный парень.

– Да ладно, – махнул рукой. – Как там дома? Как мама с Юлькой?

– У нас все в порядке. Мы с мамой работаем, Юлия поступила в медицинское училище. Кстати, а ты похудел, сильно гоняют?

– Есть немного, – сказал Сашка.

– Так и должно быть. Армия – школа жизни. По себе знаю.

Поговорили еще немного, а затем отец сказал. – Я снял комнату в поселке, что недалеко от вас. Мудреное такое название.

– Гайжюнай, – подсказал Сашка.

– Во-во, Гайжюнай, – согласно кивнул. – Твой замкомвзвода обещал отпустить тебя завтра в увольнение до вечера. Запомни адрес, улица Минтес, дом пятнадцать. А теперь давай на службу, завтра поговорим еще.

– Поговорим, – расплылся в улыбке сын. – Ну, так я пошел?

– Давай.

Выйдя с КПП Сашка радостно зарысил в казарму. Чего-чего, а встречи с отцом не ожидал.

До развода на послеобеденные занятия оставалось минут десять, постучал в дверь старшинской. Вошел.

Там на диване Пак с ефрейтором Рыбиным играли в шашки, Каллас за столом листал свежий номер «Огонька».

– Товарищ старший сержант! – сделал два шага к нему. – Курсант Пчелинцев по вашему приказанию прибыл!

Замкомвзвода отложил журнал в сторону, выдвинул ящик стола и протянул сероватый листок со штампом, – держи. Увольнительная на завтра до двадцати трех ноль-ноль. Отправишься в десять утра. Ясно?

– Так точно, – взял в руку. – Разрешите идти?

– Иди.

Развернувшись через левое плечо, промаршировал к двери.

На следующее утро, ровно в десять, вышел за ворота КПП. На голове шапка, под шинелью отглаженная «парадка», надраенные до блеска бляха и сапоги. Миновав автомобильную стоянку, пошагал по серой ленте асфальта в сторону широкой просеки. По ней рота не раз бегала до развилки, от которой в сторону поселка уходил песчаный грейдер.

Впервые за все время Сашка шел за пределами учебки вне строя без сопровождения командиров, и никто его не подгонял. По обочинам высились с рыжими стволами сосны, на кустах набухали почки. Воздух был чистым и прозрачным. На груди, под шинелью, нес отцу подарок – купленную в военторге десантную тельняшку.

На развилке, остановившись, перекурил, проводив взглядом грузовик, ехавший в сторону части, затоптав окурочек, свернул на грейдер. Он был плотно утрамбован, по сторонам проклевывалась первая трава, кое-где белели островки еще не стаявшего снега.

Спустя еще минут пятнадцать входил на окраину поселка, раскинувшегося по сторонам железной дороги. Здесь был только один раз. С месяц назад разгружали вагон с грузом, прибывшим для десантников.

Перейдя железнодорожный переезд, спросил у встретившейся пожилой женщины, по какой стороне полотна находится нужная улица.

– Аш несупранту* – хмуро оглядев, качнула головой, и пошла дальше.

Ладно, – сказал Сашка и направился к небольшой, в два этажа станции, задав тот же вопрос молодому парню в спецовке, выстукивавшему длинным молотком вагонные колеса.

– Она здесь одна, – вытер ветошью руки. – Тебе какой дом нужен?

Пчелинцев назвал.

– Это в центре, – показал за станцию. – Рядом с поссоветом. Направился туда.

Дома в поселке были добротные – деревянные и кирпичные, с высокими черепичными крышами и живыми изгородями. Пятнадцатый был через два от поселкового совета, напротив магазин и почта.

Подошел к глухой калитке, увидел на ней кнопку звонка, нажал.

Вскоре в доме хлопнула дверь, послышались шаги, калитка отворилась, за ней стоял отец. На плечи накинут пиджак с орденскими планками.

– Заходи Саша, – чуть отошел в сторону.

Двор был просторный, с надворными постройками, в глубине сад.

Направились в дом, там встретил хозяин, седоголовый, чуть старше отца. Познакомились, назвался Юрием Петровичем.

– Снимай шинель с шапкой, солдат, – показал на вешалку. – А то батька тебя заждался.

Щас, – повесил на крючок, за ними стянул сапоги, оставшись в носках.

Отец тоже снял пиджак, прошли крашеными полами в горницу. Там на столе уже стояли закуски: нарезанная ветчина, домашняя колбаса и сало, квашеная капуста и пупырчатые соленые огурцы. Здесь же стояли две бутылки «Столичной».

– Не слабо, – сглотнул слюну Сашка.

Хозяин исчез и вскоре вернулся с парящим картофелем со шкварками в глубоком блюде.

– Так, давайте за стол, пока не остыла, – водрузил в центре.

Уселись на стулья, отец откупорил бутылку, налил по четверти стакана.

- Ну, за встречу, сын, – поднял свой. Чокнувшись, выпили, принялись закусывать.
- Колбасу мама начиняла? – уплетая с картошкой очередной кусок, спросил Сашка.
- Она, – кивнул отец. – На восьмое марта забили кабана. Окорок, кстати, коптил дед. На грушевых листьях. Передавал привет.
- Как они там с бабушкой?
- Прихварывают иногда, а так ничего, держатся.
- Старшее поколение крепче нас будет, – сказал хозяин. – Та еще закалка.
- Это да, – согласился отец. – Кстати, сын, Юрий Петрович тоже фронтовик. Воевал на 3-м Белорусском.
- Да, наводчиком сорокопятки, – подтвердил тот. – Артиллерист, как твой батька. Родом из Могилева.
- А как оказались здесь? – хрупнул огурцом Сашка.
- Ранили в голову, когда брали Вильнюс. Лежал там полгода в госпитале. Познакомился с литовкой – медсестрой. Потом уволили подчистую, расписались и приехали сюда. Работал до пенсии участковым. Жена с год как померла. Боббль. Имею двух дочек, обе живут в райцентре. Помогают.
- Ладно, давайте еще по капле, – снова плеснул отец в стаканы (сыну на доньшко). Чокнулись, выпили, – чтобы не было войны, – сказал бывший участковый.
- Тут мне у переезда интересная женщина встретилась, – намазал Сашка горчицей ломоть ветчины. – Спрашиваю, где улица Минтес, а она вертит головой «аш несупранту».
- Пожилая? – спросил хозяин.
- Лет за пятьдесят.
- Старшее поколение литовцев, Саша, ненавидит русских, – оперся локтями о стол хозяин. – В войну многие воевали за немцев или сотрудничали с ними. А после в этих краях орудовали «лесные братья». Слышал про таких?
- Не приходилось
- Те же фашисты. Совершали диверсии, вредительства, убивали партхозактив и демобилизованных из советской армии. Вместе с МГБ гоняли их по лесам до шестидесятых. Часть перебили, остальных судили и отправили в лагеря. После хрущевской амнистии многие вернулись. Глядят волками. Вот тебе, наверное, такая тетка и попалась.
- А почему их снова не посадят? – спросил Сашка.
- Не за что, – пожал плечами ветеран. – Живут тихо, работают. Ждут своего часа. Достав из кармана пачку «Регаты», протянул, – угощайтесь.
- Все трое закулив, помолчали, а потом отец сказал, – с лесными братьями не сталкивался, а вот с бандеровцами в войну приходилось.
- Ты никогда не рассказывал, – вскинул брови Сашка.
- Я много чего не рассказывал, теперь можно, ты солдат. Полезно знать (выдул носом струю дыма).
- Зимой 44 – го, освободив Киев, в числе других соединений, артиллерийский корпус, в котором я воевал, с боями вышел на правобережную, или как ее тогда называли, Западную Украину.
- После одного из них, артдивизион где командовал огневым взводом, расположился на окраине только что освобожденного нашими войсками украинского местечка, дотла сожженного отступающими немцами. Артиллеристы стали оборудовать огневые позиции, а ездовых командир дивизиона отрядил разведать окрестности и по возможности достать продовольствия – с ним, как всегда, было туго.
- Выехали они на трофейной пароконной фуре, под началом старшины одной из батарей – уроженца тех мест. Перед отъездом командир проинструктировал, приказав быть повежливей с местным населением.

– Усэ будэ гаразд, товариш капитан. Цэ ж наши браты, – заявил молодцеватый сержант, воевавший в дивизионе с начала войны.

Ни к вечеру того дня, ни следующим утром бойцы в расположение части не вернулись. И только к обеду, на еле плетущейся кляче, приехал старшина. У передового охранения он свалился с коня и потерял сознание. Вид у сержанта был страшный: лицо – сплошное кровавое месиво, на теле изодранное нижнее белье, руки и ноги обморожены.

Когда с помощью фельдшера и спирта, старшину привели в чувство, он рассказал следующее.

Первые два села, которые им встретились на пути, были разграблены и сожжены. Решили ехать дальше и в нескольких километрах от них, в низине за лесом обнаружили небольшой хутор. Он был цел. Из дымарей крытых гонтом добротных хат вились струйки дыма, в хлевах помыкивала скотина, дед в кожаной куртке поил у реки лошадей.

На рысях спустились с пологого холма и подъехали к крайнему дому. И тут из стоящей напротив стодолы ударил пулемет. Двое солдат были убиты сразу, а сержант и ездовой, схвачены выскочившими из хаты вооруженными людьми. Они были пьяные, в полувоенной форме и с трезубцами на околышах немецких кепи.

– Ну й дали вони нам, – едва шевеля разбитыми губами, хрипел сержант. – Мэнэ никола так нэ были. А потим роздягнулы и повэлы розстрилюваты. Там рядом нэвэлика ричка. Поста-вылы на бэрэзи и вжарилы зи шмайсерив.

Ивана вбылы, а я за мить до черг сам впау у воду. Тым и врятууався. Потим, колы вони пишлы до хутора, пэрэбрався на другый берег. У лиси надыбав якусь коняку и добрався до вас...

– Сколько их было и кто они по твоему? – поинтересовался командир дивизиона.

– З дэяток. Мабуть бандэриуи, бо размовлялы по украинськи и лаялы «москалив».

Посоветовавшись с замполитом, капитан приказал мне взять свой бывший расчет, отделение артразведки и уничтожить хутор.

– Чтoб от него одни головешки остались! А ребят обязательно привези...

Уже в сумерках, студебеккер, к которому прицепили одну из уцелевших после боев за Киев сорокопяток, помигивая затененными фарами и тихо урча мотором встал на опушке леса, в километре от хутора. Орудие отцепили и на руках втащили на поросший орешником холм.

Хутор был виден как на ладони и тускло мерцал огоньками окон. Во дворах побрехивали собаки, а из крайней к лесу хаты доносилась сечевая песня о гетьмане Сагайдачном.

Проминяв вин жинку

На табак, на люльку,

Нэобачный!!...

ревели пьяные мужские голоса

– Козачи писни спивають, гады, – выматерился кто-то из расчета.

– Первыми залпами мы разнесли стодолу, – глубоко затянулся отец, – а затем перенесли огонь на дом, из окон и чердака которого по нам стали бить из пулемета и шмайсеров.

Выскочивших из горящей постройки вопящих «самостийников» уничтожили огнем зенитного пулемета, установленного на студебеккере. Через полчаса все было кончено. Подожженный снарядами хутор пылал, а между домами металась выскочившие из построек свиньи с лошадьми.

Оставив у орудия наводчика с заряжающим, а у спарки его расчет, цепью рванули к хутору. Оттуда больше не стреляли. Прочесав коморы и погреба, обнаружили в них десяток перепуганных дедов, женщин и детей, а из подпола крайней хаты извлекли троих чубатых молодцов в немецкой форме.

Для начала бойцы отходили их прикладами, я не препятствовал. В военных мемуарах сейчас пишут, что пленных мы не трогали. Еще как трогали, сынок, особенно своих, ставших изменниками.

Затем накоротке я допросил бандитов и приказал расстрелять. Двое смерть приняли молча, а третий упал на колени и взвыл «нэ вбывайтэ, ми ж браты...!»

Наших ребят отыскивали на берегу речки. В одном белье они лежали вмерзшие в лед и мертвыми глазами смотрели в небо. Капитану по возвращению я доложил, что уничтожена группа бандеровцев. Пленных не было.

– А насчет того, что многие из таких вернулись, ты Петрович прав (затушил в пепельнице окурки). У меня с войны язва желудка. Раз в год езжу по путевке в Трускавец или Моршин. И там тоже немало бандеровцев вернувшихся после амнистии из лагерей. Особо этого не скрывают.

– Да, натворил дел «кукурузник»*, – тоже загасил сигарету хозяин. – Теперь не поправит.

Старые солдаты приняли еще немного, Сашке не наливали. Его разморили сытая еда и водка, начал клевать носом.

– Давай – ка парень отдохни, – проводил его Юрий Петрович в смежную комнату. – – Укладывайся на диван, – взбил подушку.

– Спасибо, дядя Юра, – бормотнул тот. Сняв китель, повесил на спинку стула и улегся на бок.

Когда проснулся, ходики на стене показывали шесть вечера, за окном синели первые сумерки. В доме чем-то вкусно пахло. Надев китель, застегнул пуговицы, пригладил волосы и вышел из боковушки*. Отец с хозяином смотрели в горнице новости.

– Ну как? Отдохнул? – повернул голову от телевизара Юрий Петрович.

– Почти как дома, – улыбнулся Сашка.

– А мы с твоим батькой пока спал, сходили за поселок на озерко, там у меня верша.

Попался пяток окуньков. Сварили уху на печке. Щас будем вечерять.

Чуть позже все трое сидели за столом, хлебая душистое варево. Под него старшие выпили еще по пятьдесят грамм, после пили чай с сушками и вареньем.

За разговорами быстро текло время. В десять Сашка одевшись, простился с хозяином, поблагодарив за гостеприимство.

– Пустое, – отозвался тот. – Найдешь время, заходи. Буду рад.

Вместе с отцом вышли из дома, а потом на улицу. В руке Сашка нес тяжелый пакет с гостинцами для ребят. Тельняшку перед этим вручил отцу. На дворе подморозило, за кромкой лесов гасла вечерняя заря, где-то взлаивала собака.

– Ну а как насчет военного училища? – спросил старший Пчелинцев. – Определился?

– Пока нет, – ответил младший. – Думаю над этим.

– Ну, думай, думай. Время есть.

Проводил сына до развилки, там попрощались, хлопнул по плечу. – Удачи тебе солдат.

Глава 4. ГСВГ. Особое подразделение

Командующему войсками 1-го Белорусского фронта о переименовании фронта в Группу советских оккупационных войск в Германии

29 мая 1945 г. 03 ч 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Переименовать с 24.00 10 июня 1-й Белорусский фронт в Группу советских оккупационных войск в Германии. Штаб группы иметь в районе Берлина.

Командующего войсками 1-го Белорусского фронта маршала Жукова именовать главнокомандующим Группой советских оккупационных войск в Германии.

2. Группу советских оккупационных войск в Германии иметь в составе:

2-я уд. армия – 116 ск (86, 326, 321 сд), 108 ск (372, 90, 46 сд), 40 гв. ск (101 гв., 102 гв., 272 сд);

8-я гв. армия – 4 гв. ск (35 гв., 47 гв., 57 гв. сд), 28 гв. ск (79 гв., 39 гв., 88 гв. сд), 29 гв. ск (74 гв., 82 гв., 27 гв. сд);

5-я уд. армия – 26 гв. ск (89 гв., 94 гв., 266 сд), 32 ск (60 гв., 295, 416 сд), 9 ск (301, 230, 248 сд);

3-я уд. армия – 12 гв. ск (23 гв., 52 гв., 33 сд), 79 ск (150, 171, 207 сд), 7 ск (265, 364, 146 сд);

47-я армия – 129 ск (132, 143, 260 сд), 9 гв. ск (12 гв., 75 гв., 77 гв. сд), 125 ск (185, 60, 175 сд);

артиллерия – упр. 3, 4 и 6 ак; 2, 5, 6, 12, 14, 18, 29, 22 ад прорыва; 4-я гв. пушечная артдивизия; 30 гв., 43 гв., 44 гв., 136, 81-я арм. пушечные артбригады; 2, 4 кабр; 3 гв., 4 гв., 8, 20, 40, 41, 38, 25, 39, 33, 45, 15, 19, 27, 44 иптабр; 2 гв., 3 гв., 4 гв., 18, 24, 31, 64, 20, 32 зенад; конница – 2 гв. кк;

танки - 1 гв. ТА (11 гв. тк, 9 тк, 8 гв. мк); 2 гв. ТА (9 гв. тк, 12 гв. тк, 1 мк); 1 гв. тк, 11 тк; ВВС – 16 ВА – 3 иак (265, 278, 286 иад); 13 иак (193, 283, 282 иад); 1 гв. иак (3 гв., 4 гв., 240 иад); 6 шак (197, 198, 2 гв. шад); 9 шак (3 гв., 11 гв., 300 шад); 6 бак (326, 334, 113 бад); 3 бак (241, 301, 183 бад); 9 гв. нбад.

3. Войска оккупационной группы дислоцировать на территории Германии, имея границы с запада – линию соприкосновения с войсками союзников, с востока – рр. Одер и Нейсе (западная) и с юга – граница Чехословакии с Германией.

4. Сменить к 6.6.1945 г. части 13 армии 1-го Украинского фронта, расположенные на территории Германии.

5. Принять в состав Группы советских оккупационных войск в Германии от 2-го Белорусского фронта в районе Грайфсвальд, Росток, Виттенберге:

2-ю уд. армию – (в указанном составе) – к 5.06.1945 г.;

70-ю армию – упр. 47, 114 ск, 1, 71, 136, 162, 369, 165, 160-ю стр. дивизии – к 3.06.1945 г.;

49-ю армию – упр. 70 и 121 ск, 191, 380, 42, 139, 238, 385, 200, 330, 199-ю стр. дивизии – к 3.06.1945 г.;

отд. сд – 158, 346 – к 3.06.1945 г.;

1 гв. тк – к 3.06.1945 г.

Армии принять со всеми армейскими частями усиления, тыловыми частями и учреждениями и наличными запасами.

6. Расформировать на месте и обратить на доукомплектование войск группы:

управления 47, 77, 80, 89, 25, 61, 91, 16, 38, 62, 70, 121, 114-го стр. корпусов;

стр. дивизии – 71, 136, 162, 76, 82, 212, 356, 234, 23, 397, 311, 415, 328, 274, 370, 41, 134, 312, 4, 117, 247, 89, 95, 64, 323, 362, 222, 49, 339, 383, 191, 380, 42, 139, 238, 385, 200, 330, 199, 1, 369, 165, 160, 158, 346-ю. Всего – упр. ск – 13, сд – 45.

7. 1-ю Польскую армию в составе двух пд оставить в оперативном подчинении главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии.

8. Днепровскую военную флотилию принять в оперативное подчинение главнокомандующего Группой советских оккупационных войск в Германии.

9. Указания о порядке вывода оставшихся армейских управлений и войск фронта будут даны Генштабом.

10. О ходе перегруппировки доносить ежедневно в оперсводках.

Ставка Верховного Главнокомандования

И.Сталин

А.Антонов

(Директива Ставки Верховного главнокомандования от 29 мая 1945 года №110950)

...р-раа! – неслось над зеленым полем с перелесками. Учебный батальон шел в атаку.

Впереди ползли несколько БМД, ведя огонь из пушек с пулеметами, за ними перебежали группы бойцов, коротко дробя из автоматов. Условный противник отступал.

Третьи сутки шло тактическое учение с десантированием и боевыми стрельбами. По замыслу командования воевали в глубоком тылу.

В первый день в район учений выбросили разведроту. Быстро собравшись на площадке приземления, она выдвинулась к объекту противника и провела разведку неприятельских позиций после удара по ним авиации.

Далее началась высадка основных сил. Сбор десантников, разбросанных по кажушейся бескрайней площадке приземления, осуществили за считанные минуты. Все команды выполнялись только бегом. Медлить на данном этапе не приходилось – в боевой обстановке это смерть.

Рвались имитационные заряды заложенные саперами на площадке приземления, обозначавшие удары боевых вертолетов противника. Отразив атаку авиации, батальон стремительно развернулся в боевой порядок и теперь вел атаку. Она достигла апогея.

Когда же сопротивление противника было подавлено, и он отступил (роль исполнял такой же батальон) учение завершилось, командиры собрались на подведение итогов. Личный состав отвели в ближайшие рощи, разрешив короткий отдых.

– Вроде все, – снял с потной головы шлемофон замурзанный Витька. – Закончилась война.

– Не накаркай, – отвинтив флягу, забулькал кадыком Женька.

Остальные из взвода, раскинувшись на траве, нежились в лучах майского солнца. Все знали, учения завершают шестимесячный курс подготовки, впереди экзамены и распределение в боевые части.

– Хотите анекдот? – приподнялся на локте Федя Мальков. Юморист и насмешник.

– Давай, – откликнулись несколько голосов.

– Значит так. Самолет в воздухе. Перед люком стоит курсант и не решается прыгать.

«Чего не прыгаешь? Боишься?» спрашивает инструктор.

« Не то чтобы боюсь, но ночью мне приснилась мама и сказала, парашют не раскроется».

« Эх, курсант! В сны веришь. Ладно, давай ими меняться.

Поменялись.

Курсант прыгнул. Парашют благополучно раскрылся. Парит.
Вдруг мимо камнем пролетает инструктор:

« Я твою маму-у-у-у.....»

Окружающие грохнули смехом, курящие задымили сигаретами, жизнь казалась прекрасной и удивительной.

Спустя еще полчаса объявили общее построение. Батальон выстроили поротно, на флангах техника, рядом экипажи. Из штабной палатки вышло начальство во главе с командиром части, дойдя до середины остановилось.

– Благодарю за службу! – приложил полковник к голубому берету руку.

– Служим Советскому Союзу! – рявкнули четыре сотни глоток.

Далее все погрузились на автомобили, колонна покатила по полевой дороге к постоянному месту дислокации. Там, выгрузившись, привели технику и снаряжение в исходное. Почистили оружие, а потом строями, с интервалом, отправились в баню. Мыться и стираться.

Еще через неделю курсанты сдали экзамены по боевой и политической подготовке. Показавшим высокие результаты, в том числе Сашке с Витькой присвоили звания младших сержантов, остальным ефрейторов. В военных билетах сделали соответствующие отметки, на погоны пришили золотые лычки.

А со следующего дня учебный батальон стали навещать «покупатели». Они формировали команды и те отправлялись к новым местам службы. С одной такой, попрощавшись с Пчелинцевым, убыли Резников с Банниковым. По слухам, в Среднюю Азию.

Через сутки Сашку и еще трех ребят из роты, после завтрака вызвали в клуб. Там, в малом зале, за столом сидели офицер и прапорщик с черными петлицами инженерных войск. Напротив, в театральных креслах, еще восемь курсантов из других подразделений.

– Присаживайтесь, – сказал офицер вошедшим.

Достав из папки список, прочел фамилии. Вставая, отвечали «я!».

Закончив переключку назвался, – я капитан Сергеев, а это прапорщик Мусенко (кивнул на соседа). Вслед за чем сообщил, что будут сопровождать их в часть.

– Василий Павлович, приступай, – обратился к прапорщику.

Тот встал, выйдя из-за стола, расстегнул полевую сумку, и вручил каждому курсанту такие же петлицы и нарукавные шевроны.

– Сейчас вернетесь в роты, пришьете вместо десантных и с вещами сюда. Тельняшки и значки парашютистов тоже снять, – прогудел прапорщик.

– Разрешите вопрос товарищ капитан? – поднял один руку.

– Слушаю.

– Нас что? Переводят в другой род войск?

– Нет. Так надо. Через полчаса ждем вас здесь. Время пошло, – взглянул на наручные часы.

Сделав все как приказали и прихватив вещмешок с притороченными шинелью и сапогами, Сашка хотел попрощаться с Калласом, но того в роте не было. Пожав руки оставшимся ребятам, вышли из казармы.

Чуть позже в сопровождении капитана с прапорщиком, команда шла по лесной дороге в направлении поселка. На обочинах желтели одуванчики, в небе ярко светило солнце. В Гайжюнае сели на проходящий поезд до Каунаса, прибыв на железнодорожный вокзал.

В воинской кассе, капитан взял билеты на Берлин, а прапорщик, захватив с собой курсанта с пустым вещмешком, отправился в ближайший гастроном. Там купил три батона «любительской», круг литовского сыра, пачку рафинада и несколько буханок хлеба.

Пока ожидали поезда в зале ожидания и с разрешения командиров перекуривали рядом с вокзалом – познакомились. Кроме разведчиков, в команде оказались радиотелеграфисты, механики-водители БМД и снайперы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.